

Александр УРМАНОВ

профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ФЁДОР ИВАНОВИЧ С ФЁДОРОМ ФИЛИППОВИЧЕМ

Об одной характерной особенности литературной жизни Приамурья начала XX века

Попытаемся представить такую радужную картину. Начало XX столетия. Небольшой, пока ещё очень юный провинциальный город губернского значения на дальневосточной окраине великой Российской империи. Город с благозвучным названием переживает бурный экономический рост, как, впрочем, и вся империя в целом. Темпы, динамика этого роста, особенно если сравнивать с экономикой сегодняшней России, не могут не восхищать. В культурной жизни города – те же благодатные процессы, что и в двух столицах: после ставшего уже областью преданий золотого века, – на дворе век серебряный, ничем, впрочем, не уступающий своими литературными достижениями веку пушкинскому. В небольшом городе несколько театральных трупп, с которыми работают известные в пределах всей страны антрепренёры Иван Арнольдов и Ефим Долин, среди театральных постановок, имеющих особенный успех у публики, – спектакли по произведениям амурских литераторов: «Идея» В.Л. Андриенко, «Амурские волки» А.И. Матюшенского... Нет недостатка и в типографиях, оборудованных по последнему слову техники, выпускающих газеты и книжную продукцию, в том числе высокого для того времени полиграфического и эстетического уровня. Издаётся множество газет – как говорится, на любой вкус: тут тебе и респектабельная официозная «Амурская газета», и откровенно антиреволюционный «Амурский вестник», и махрово-консервативный «Благовещенск», и умеренно-прогрессивные «Амурский край», «Амурский листок», «Эхо», «Амурское эхо», «Амурская речь», «Амурские отголоски», и, наконец, бульварные «Амурский пионер» и «Благовещенское утро»... Sporadически выходят литературные журналы: «Колючки», «Бузуй», «Зея», «Записки любителя»... В небольшом по российским масштабам городе с населением 50 тысяч человек – настоящее созвездие литературных талантов. Особый предмет гордости – плеяда блестящих сатириков-фельетонистов во главе с «амурским Сашей Чёрным» Фёдором Чудаковым (псевд. *Амурец, Гуслар, Язва*): Евгений Александров (*Бурхан, Искандер*), Нико-

лай Шилов (*Коля Шило*), Тимофей Еращенко (*Ёри*), Пётр Колмаков (*Глаголь*). В городе есть наделённые несомненным художественным даром беллетристы: Генрих Баранович, Александр Матюшенский, тот же Чудаков, а уж самобытных лириков – и того больше: Фёдор Коротавев, Герасим Шпилёв, Елизавета Юхоцкая, Екатерина Михайлова, Филипп Дан... Все газеты буквально в каждом номере печатают фельетоны, сатирические стихи, лирику, очерки, рассказы, повести, даже романы местных авторов, а также литературные обзоры, критические статьи, рецензии. Ничего подобного амурская литература не знала ни до, ни после – включительно до середины 1950-х. Настоящая литературная феерия! Идиллия...

Впрочем, стоп, не вполне идиллия. Если снять розовые очки, увидишь совсем иное, явно не идиллическое. Скорее противоположное: в годы первой русской революции и после свирепствует драконовская цензура, идёт политический сыск, многие журналисты и писатели «под колпаком» – гласным или негласным надзором полиции или жандармского ведомства, власть оказывает жесточайшее давление на свободное слово. Местная администрация при финансовой поддержке богатеев – купцов, золотопромышленников – поощряет одних журналистов, редакторов, издателей, писателей и преследует других. Одних, что называется, холит и лелеет, полностью содержит или подкармливает субсидиями – финансовыми «пирогам и пышками», тогдашними «печеньками». Других воспринимает как врагов отечества, как супостатов, а потому жалуется им исключительно «синяки и шишки», раздаёт звучные «оплеухи» и «затрещины» – чтоб другим неповадно было. Издателей, писателей, редакторов, журналистов, за исключением лояльных по отношению к властям, беспрестанно привлекают к административной или даже уголовной ответственности (Иосиф Постернак). «На горке», так тогда называли благовещенскую тюрьму, построенную на возвышенности, перебивали – как правило, не по одному разу – многие редакторы и издатели: Георгий Клитчоглу («Амурский край»),

Александр Матюшенский («Амурский пионер» и «Благовещенское утро»), Роман Типцов («Заря Востока»), Фёдор Чудаков («Шпильки»). Особенно непокорных литераторов, издателей высылают (Иван Мокин) или пытаются выслать (А. Матюшенский) за пределы Амурского края. На редакторов и издателей «прогрессивной», либерально-демократической ориентации налагают, причём по самым безобидным поводам, неподъёмные штрафы: так, например, были задушены, в несколько приёмов, неудобные властям «Амурские отголоски». Газеты одну за другой за «вредное направление» приостанавливают или закрывают, некоторые успевают выпустить лишь по несколько номеров: «Амурский голос» просуществовал с 15 по 27 февраля 1909 года, подписчики получили 11 номеров; «Амурская речь» – с 21 декабря 1908 по 18 января 1909, всего вышло 16 номеров. «Амурский летописец» (1906) прожил немногим дольше – чуть более двух месяцев, успев выпустить 37 номеров. Так что на их фоне упомянутые выше «Амурские отголоски», выходявшие с большими перерывами с 30 мая 1907 по 19 октября 1908 года – почти долгожитель.

Но давление властей – не единственная беда.

На небольшом культурном пространстве ежедневно идут жестокие междоусобные схватки. Газеты разделились на непримиримые общественно-политические лагеря, лупят друг друга почём зря, выплёскивают на оппонентов ушаты грязи, с азартом копаются в грязном белье, используют бранную лексику, наклеивают оскорбительные ярлыки, переходят на личности.

Очеркист, публицист, редактор Анатолий Александрович Константинов объявляет смертельную войну своему недавнему союзнику по газете «Амурский листок» Александру Ивановичу Матюшенскому, методично, изо дня в день на протяжении многих месяцев печатно называет *вором, хищником, авантюристом, аферистом, преступником, клеветником, провокатором* и так далее, и тому подобное. Не остаётся в долгу и Матюшенский: на страницах его газеты «Амурский пионер» Константинов аттестуется как *вор, прощельга, мошенник, взяточник, уголовник, аморальный тип*. И всё это с привлечением фактов, свидетельств. Так что легко можно было бы данную статью посвятить теме «История о том, как поссорился Анатолий Александрович с Александром Ивановичем».

Константинов ожесточённо бьётся не только с Матюшенским, ещё один его лютей враг – Фёдор Чудаков. С ним он сражается столь же страстно, с той же яростной непримиримостью, с помощью всё тех же универсальных приёмов: оскорбление, наклеивание позорных ярлыков... Но получает в ответ несколько чувствительных печатных ударов от лучшего амурского сатирика – остроумных, язвительно-ироничных, совершенно убойных – и при этом почти без оскорбительных эпитетов, без брани... Так что можно было бы написать статью и на тему «История о том, как поссорился Анатолий Александрович с Фёдором Ивановичем (и был им нещадно бит)».

Или – чем не тема: «История о том, как поссорился Константин Константинович со всеми остальными амурскими журналистами и литераторами»? К.К. Куртеев 1-й (*первым* или *старшим* его называли для того, чтобы не путать с Константинов Константиновичем Куртеевым 2-м или *младшим* – его сыном, тоже журналистом) – редактор газеты «Благовещенск», объявивший крестовый поход против всей демократической интеллигенции, в том числе творческой. В своём поистине маниакальном стремлении опорочить уважаемых в городе людей, представляющих «прогрессивную» интеллигенцию, Куртеев 1-й не брезговал ничем: ни клеветой, ни сплетней, ни наклеиванием оскорбительных ярлыков: *праздные болтуны, недоучки, нравственные босяки* и т.п.

Куртеев стал ключевым персонажем прозаического фельетона Язвы (Фёдора Чудакова) «Дуэль». Поводом для его написания послужил подлинный случай, о котором сообщается в предисловии: «Редактор “Благовещенска” вызывает трёх других редакторов известных изданий на дуэль через платок (Хроника)». Обращение к этому анекдотическому случаю дало автору фельетона возможность довести до читателей сатирического журнала «Колбочки», где и была напечатана «Дуэль», мысль, что проблемы печати не сводятся лишь к давлению на неё извне, к действиям государственных институтов по удушению свободы слова. Российская журналистика, в изображении Язвы, поражена теми же самыми недугами, что и всё российское общество в целом: ради привлечения подписчиков и финансового благополучия она готова «копаться в навозе», заниматься «коммерцией», быть «содержанкой» богачей. В фельетоне, имеющем подзаголовок «Фантазия», автор в юмористическом ключе попытался представить, как бы могла пройти дуэль, если бы она состоялась. Её участниками становятся редактор «Эха» Николай Филиппович Губанов, редактор «Амурского листка» Анатолий Александрович Константинов, редактор (неофициальный) «Колбочек» Фёдор Иванович Чудаков.

Помимо воздействия, которое оказывает на культуру дикий капиталистический рынок, другая, ещё более серьёзная напасть – социально-политическое, классовое противостояние, втянувшее в свою орбиту практически всех амурских пишущих людей, в том числе и автора упомянутого фельетона «Дуэль» Фёдора Чудакова.

Остановимся лишь на одном сюжете (хотя им несть числа) – на ссоре, на полемике Чудакова с Коротчаевым.

Фёдор (Феодор) Филиппович Коротчаев (1881–1918) – представитель третьего поколения известной молоканской купеческой династии Благовещенска, игравший видную роль в местной молоканской общине, в общественной жизни города. Он был образованным, преуспевающим коммерсантом, занимался благотворительной деятельностью.

Коротчаев сыграл значительную роль и в становлении амурской журналистики, был основателем, одним из авторов, а в отдельные периоды и редактором газеты

«Благовещенск» (1907–1912). Активно сотрудничал также с «Амурской газетой», «Благовещенским утром» и «Амурской речью». В этих изданиях печатались его многочисленные стихотворения, очерки, фельетоны, статьи на темы местной жизни за подписями (псевдонимами) *Z*, *Он самый*, *Молоканин*, *Фео*, *Ф. Дудка* и др.

В 1912 г. в Москве вышла первая и единственная его книга – «Сборник стихотворений Фёдора Коротаева». Она вобрала в себя тексты, прежде печатавшиеся на страницах амурских газет. Для произведений Коротаева характерен дидактизм, склонность автора к морализированию, к нравственно-религиозному проповедничеству. Своей лирой Фёдор Коротаев пытался исправлять общественные нравы, пробуждать у читателей «чувства добрые».

И вот в журнале «Колючки» (№ 8. 1910. 31 января. С. 6–7) как гром среди ясного неба появляется оскорбительный по тону фельетон *Гусяра* (Фёдора Чудакова) «Типы избирателей». Повод – общественная деятельность Ф. Коротаева, его участие в обсуждении проектов благоустройства Благовещенска. Мнение двух общественных комитетов – какие проекты поддержать – разошлись.

«В президиуме 2-го общества избирателей и обывателей есть очень любопытный тип идеалиста-коммерсанта.

Это Фёдор Коротаев. Тот Фёдор Коротаев, который пишет стишки на тему о вреде пьянства, о народном невежестве, о том, что вот, мол, скоро придёт время, когда все люди будут братьями, не будет на свете разных неприятных вещей, вроде городских, кутузок и тому подобного.

Стишки Фёдора Коротаева показывают, что у него есть кое-какие убеждения, кое-какие стремления, кое-какие надежды.

А вот общественная деятельность этого идеалиста – уже дистанция огромного размера в сторону не очень хорошую...

Именно в сторону довольно некрасивой игры на народной темноте, против которой он борется в стишках.

Причём – и это самое главное и самое интересное – игра эта ведётся сознательно. Как человек более или менее умный, Фёдор Коротаев это понимает и поэтому всячески старается замаскировать свою неискренность.

Ухватив слепого избирателя за нос, Фёдор Коротаев знает, что ведёт его в канаву, но об этом ни гу-гу.

Обыватель слышит от него умильные рифмы, как «братья» и «объятыя», и слепо вручает ему свой нос: разве такой милый парень заведёт в канаву?!

А милый парень ведёт себе да приговаривает:

– Не бойся, брат мой, уж я тебя доведу.

...На том же собрании, когда зашёл вопрос о проектируемом первым обществом мощении улиц, Фёдор Коротаев говорил так:

– Нам надо школы строить, у нас школ нет, а они улицы мостить хотят. Надо сперва умы мостить, а не улицы.

И Фёдор Коротаев мостит умы. Да так мостит, что и любой инженер позавидует. Ловкий парень, этот настельщик мостов! Впору хоть к Маркову 2-му для довершения этого похвального мастерства посылать»¹.

Причины появления этого фельетона, содержащего грубый выпад по адресу известного и многими уважаемого амурского поэта, журналиста, редактора, общественного деятеля, понять непросто. Коротаев, в отличие от ряда других благовещенских редакторов (А.А. Константинова, К.К. Куртева, А.И. Матюшенского), никогда не был героем скандальной хроники, не являлся конфликтным человеком. Не принадлежал ни к какой партии. Никаких публичных столкновений с Чудаковым или с кем-то другим у него прежде не было. Более того, незадолго до публикации в «Колючках» фельетона «Типы избирателей» Ф. Чудаков напечатал в этом журнале стихотворение Ф. Коротаева «Море» (Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 18–19):

Взволновалось сине море,
Вековые скалы бьёт,
О свободе и просторе
Песни вольные поёт.
За волной волна стремится,
Нет уж прежней тишины,
Сила грозная родится
И встаёт из глубины.
Смотрят скалы с удивленьем:
Что с пучиной морской?
И с тревогой и смущеньем
Ждут: ударит страшный бой!
Век, пучина, ты дремала
В мёртвый сон погружена,
И стопы наши лизала
Лести полная волна.
Мощны, силой некрушимой
Над тобой стояли мы,
Внемля песне говорливой
Нас ласкающей волны.
Брызги к нам порой летели,
Ропот бурный достигал,
Но смирять его умели
Мы в тисках холодных скал.
И пучина отступала,
Грудой скал окружена,
И до нас лишь долетала
Нам покорная волна.
Тишина была немая
У высоких берегов,
Ты молчала, засыпая
И не чувствуя оков.
Но теперь ты взволновалась
В гнев яростном бежишь
И, о скалы ударяясь,
Белой пеною кипишь.
Сокрушить ты нас желаешь,
Встав от спячки вековой,
Волны грозно поднимаешь
И ведёшь на страшный бой.
Впереди тебя не видим
Мы волны, ласкавшей нас,
Вместо лести крики слышим:
«Сторонись, не нужно вас!
Дайте нам простор и волю –
Мы пойдём тогда вперёд
И свою поищем долю,
Сбросив тяжести невзгод».

¹ *Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866–1945)* – русский политик крайне правых взглядов, один из лидеров Союза русского народа, глава фракции крайне правых в III и IV Государственной думе. Марков 2-й имел репутацию скандалиста (большинство потасовок в Думе были связаны с его именем) и антисемита.

Публикация эта вызывает вопросы, на которые непросто ответить. Зачем «Колючки», фактическим редактором которых был Чудаков (номинальным – Алексей Ильич Хворов), напечатали стихотворение во многих отношениях чуждого направлению журнала автора? Чем объяснить, что обычно крайне осторожный и взвешенный в выражении своих политических взглядов Коротаяев решился опубликовать аллегорическое по форме, но содержательно недвусмысленно революционное, антиправительственное произведение, да ещё и в периодическом издании, которое постоянно пикировалось с газетой «Благовещенск»? Почему, наконец, стихотворение «Море» подписано не одним из псевдонимов Ф. Коротаяева (как он обычно делал во всех других периодических изданиях), а подлинным именем: *Фёдор Коротаяев*? Особенно странным эта публикация выглядит в свете того, что «Колючки» вообще крайне редко печатали кого-нибудь, кроме Ф. Чудакова, выступавшего под разными псевдонимами. А если кого-то и печатали, то лишь под прикрытием псевдонимов – причём, как правило, ранее не применявшихся (из-за чего крайне трудно определить весь подлинный круг авторов журнала). Все эти странные обстоятельства дают серьёзные основания для предположения, что Чудаков опубликовал не предназначавшееся для открытой печати стихотворение Коротаяева, причём без разрешения (и даже без уведомления) автора. Если всё было именно так (а это очень похоже на правду), Ф. Коротаяев не мог не возмутиться и не высказать в адрес фактического редактора «Колючек» резкие слова. А это, в свою очередь, могло побудить сатирика написать фельетон «Типы избирателей», в котором он вывел Коротаяева двуличным человеком, «стишки» которого никак не связаны с содержанием и направленностью его общественной деятельности.

Публикация *Гуслера* больно задела Коротаяева. В статье «Мой взгляд на городские дела» (Благовещенск. 1910. № 19. 2 февраля) он с негодованием отверг обвинения Чудакова: «В № 8 “Колючек” за текущий год некто “Гуслер” поместил статью под заглавием “Типы избирателей”, в которой он, стараясь скомпрометировать меня в глазах общества, презрительно относится к моим стихам, сравнивает меня с шулерами и разными тёмными господами, обвиняет меня в неискренности и сознательном обмане избирателей, говорит, что я играю на народной темноте. / Не Гуслеру критиковать мои стихи. Я писал их не для него, а для себя. В них вкладывал я всю душу и с ними я отдыхал от всех треволнений жизни, забывал массу неприятностей, столкновения с пройдохами и авантюристами и снова начинал верить в светлое будущее человечества. Они помогали мне сохранять душу и не давали разлагаться ей. И я до сих пор помню слова Станислава Осиповича Хлусевича: “Феодор Филиппович, сохраните стремление к свету и знанию, и вы будете честны!”² <...> Да, я могу сказать, что хотя я и коммерсант, но торговал только товаром, а не честью, не совестью, не добрым именем».

Немного позже Ф. Чудаков, очевидно не желая, чтобы последнее слово оставалось за Коротаяевым, вновь

сделал резкий выпад против своего коллеги по поэтическому цеху, опубликовав в газете «Амурский край» фельетон «В кривом зеркале (*Отражения жизни нашей изо дня в день*)» (Амурский край. 1910. № 47. 10 (23) марта. С. 2). Коротаяеву посвящена вторая часть фельетона – «Квартет с приключением»:

Ефимов, Власов, Залетаев³
 Да Фёдор Коротаяев
 (Известный идеальный наш поэт)
 Затеяли сыграть квартет.
 Не для того, чтоб мог их свет послушать,
 А чтоб самим, окончивши игру,
 Засесть, пирог общественный покусать.
 Сначала шло всё подобру
 Да поздорову. Вдруг скандал:
 Внезапно Федя увидал,
 Что это музыка совсем плохого сорту!
 «Да ну вас к чёрту!» –
 Кричит он Власову и прочим иже с ним. –
 Из вас мне каждый очень гадок!
 От вас в моей душе осадок!
 И с сердцем замечательным моим
 Случился чуть ли не припадок!
 Я презираю вас! Долой!
 Вы так противны честному поэту!»
 И, написав письмо в газету,
 Пошёл писать стихи домой.

Проходит час, проходят сутки...
 А Федя думает: «Нет, дудки!»⁴
 Погорячился сдуру я,
 Ну, да простят меня друзья.
 Я просто сон прескверный видел
 И их по глупости обидел.
 И сразу на колени – бух –
 И вопит во весь дух:
 «Друзья! Простите! Я не буду!
 Теперь я даже грамоту забуду,
 Чтоб не могла смутить опять!!!»
 А Власов гаркнул: «Смирно! Встать!
 На первый раз глупцов прощаем,
 А на второй – вот *этим* угощаем!»
 Тут Власов нечто показал,
 Но я с испугу убежал!

А теперь о том, как завершились жизненные судьбы двух Фёдоров, двух столь несхожих по своим взглядам амурских литераторов, участвовавших в жестоких идейных баталиях начала XX века.

Фёдор Чудаков, вся его семья – жена Варвара, девятилетняя дочь Наташа, собака Макс, трагически ушли

² Хлусевич Станислав Осипович (1861–1918) – административно-ссылный, жил в Благовещенске в 1898–1906 гг., служил управляющим городского отделения Сибирского банка, в 1905–1906 гг. участвовал в деятельности «Союза амурских прогрессивных групп», пользовался большим авторитетом в либерально-демократических кругах столицы Приамурья.

³ Благовещенские коммерсанты, купцы, двое последних фигурировали и в фельетоне «Типы избирателей».

⁴ Игра слов: один из литературных псевдонимов Фёдора Коротаяева – Ф. Дудка.

из жизни 28 февраля 1918 года, во время подавления так называемого Гамовского мятежа. Смерть сатирика стала формой протеста, неприятия жестокости революционного народа. То есть протеста против действий тех, кого Чудаков и многие иные амурские литераторы из демократического, социалистического лагеря неустанно призывали к бунту – своими произведениями и своим поведением, своей общественной позицией. Перед смертью Фёдор Иванович писал: «Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах, и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни». Накануне гибели писатель планировал издать собрание собственных сочинений.

Фёдор Коротаяев, уповавший на просвещение народа, внушавший ему «чувства добрые» в своих

моралистических произведениях, был застрелен среди бела дня на одной из улиц Благовещенска во время подавления всё того же Гамовского мятежа – возможно, в тот самый день, когда Ф. Чудаков, потрясённый кровавой вакханалией, учинённой в городе революционным народом, добровольно свёл счёты с жизнью. Есть свидетельства, что Ф. Коротаяев готовил к печати вторую книгу, рукопись которой, судя по всему, навсегда утрачена.

Почти столетие ни о том, ни о другом участнике общественно-политического и литературного противостояния предреволюционной эпохи никто из представителей «народа» не вспоминал.

Многочисленные читатели-современники Ф. Чудакова и Ф. Коротаяева не сохранили для потомков не только их архивы, но даже могилы...

Валерий ЧЕРКЕСОВ

ЛУЧШАЯ ДОРОГА НАШЕЙ ЖИЗНИ

24 января 2016 года исполнилось бы 60 лет Владимиру Гузию – пожалуй, самому известному поэту Байкало-Амурской магистрали.

1.

Не уверен, что в истории отечественной литературы последней четверти XX века будет хотя бы абзацем, строкой, сноской отмечено такое явление, как поэзия БАМа (Байкало-Амурской магистрали). Но она была! Стихи поэтов, живущих в городах и посёлках, расположенных вдоль и вблизи магистрали, в то время часто печатались в газетах и журналах, в том числе и столичных. Как правило, в публикациях указывалось, кем работает тот или иной автор: монтер пути, лесоруб, плотник, монтажник, инженер и так далее. Только в сборник «Цветы багульника» (Новосибирск, 2004) – наиболее полную антологию стихов о БАМе, которая вышла к 30-летию начала строительства, – включены произведения почти полутора сотен авторов. Значительная часть из них – те, кто был непосредственно причастен к «стройке века».

В феврале 1974 года БАМ объявили Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, и уже в середине марта я, корреспондент областной газеты «Амурский комсомолец», прилетел из Благовещенска в неказистый район – посёлок Тынду. С той первой командировки и началась моя бамовская «одиссея». Раз в месяц, а то и

чаще, курируя в «молодёжке» стройку, я бывал в Тынде и других местах и, естественно, знал по именам (а кого-то и лично) тамошних стихотворцев. Вот чьи стихи наиболее часто встречались в периодике: Олег Головкин, Геннадий Кузьмин, Владимир Гузий, Александр Симаков, Виталий Лукашенко, Владимир Мальков, Александр Астафьев, Владимир Романов, Борис Райнес, Владимир Юринский, Николай Астафьев, Владимир Архипов, Николай Захаров, Владимир Замулаев, Надежда Пузыревская, Тамара Шульга, Жанна Ржевская, Яна Арви, Марина Либина. Подборки некоторых из них я готовил к печати в «Амурском комсомольце».

В 1977 году в Хабаровском книжном издательстве в кассете «Радуга» увидел свет первый сборник моих стихотворений «Вечные родники». Автором кассеты была и Надежда Пузыревская, тогда инженер одного из подразделений строительства. Её книжка называлась «Таёжные костры». До сих пор помню её четверостишие:

Опять не пишется о БАМе.
Но если нет в словах души,
То лучше напиши о маме,
О дочке лучше напиши.